

ГЛАВНАЯ КИНОПРЕМЬЕРА 2020

СОЮЗ СПАСЕНИЯ

*Восстание, которого
не было*



Главная кинопремьера 2020

Сборник

**Союз спасения. Восстание,
которого не было**

«Алисторус»

2020

УДК 82-94
ББК 84(2)

Сборник

Союз спасения. Восстание, которого не было / Сборник —
«Алисторус», 2020 — (Главная кинопремьера 2020)

ISBN 978-5-907255-44-9

В тот год, когда Российская империя стала самым могущественным государством мира, появились люди с горящими глазами и твердой убежденностью, что перевернут этот мир. Это были самые обеспеченные и самые образованные люди империи, приближенные к царю и власти молодые люди, которые спустя несколько лет выйдут на Сенатскую площадь и устроят восстание. Впрочем, это будет десятилетием позже... А пока, в 1816-м году лишь начало свою работу первое тайное общество, получившее весьма высокопарное название – «Союз спасения». В предлагаемую книгу вошли воспоминания всех основных участников «Союза спасения»: С. И. Муравьева-Апостола, С. Трубецкого, П. Пестеля и других.

УДК 82-94
ББК 84(2)

ISBN 978-5-907255-44-9

© Сборник, 2020
© Алисторус, 2020

Содержание

Декабристы	6
Записки И. Д. Якушкина	15
Об авторе	15
I	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

**Союз спасения. Восстание,
которого не было**
**Сост. В. Богданова, С. Муравьев-
Апостол, С. Трубецкой, А. Пестель, М.
Лунин, Ф. Глинка, И. Якушкин и др**

К выходу самого ожидаемого отечественного фильма года «Союз спасения» 26 декабря 2019-го года

© ООО «Издательство Родина», 2020

Декабристы Василий Осипович Ключевский

У нас доселе господствуют не совсем ясные, не совсем согласные суждения насчет события 14 декабря; одни видят в нем политическую эпопею, другие считают его великим несчастьем. Для того чтобы установить правильный взгляд на это событие, нам надо рассмотреть ход, подготовивший общество к нему; это возвратит нас к истории общества, т. е. к истории чувств и мыслей, господствовавших в известное время. Движение 14 декабря вышло из одного сословия, из того, которое доселе делало нашу историю, – высшего образованного дворянства. Но не весь этот класс принимал в нем прямое участие. Событие это было частью этого класса, в которой господствовал известный образ мыслей, известное настроение. Но эта часть была собственно известный возраст, известное поколение; катастрофа 14 декабря сделана была дворянской образованной молодежью. Это легко заметить, просматривая графу о возрасте в списке лиц, которые судились по делу 14 декабря. Всех лиц к ответственности было призвано 121; из них только 12 имели 34 года, значительное большинство остальных не имело и 30 лет.

Воспитание. Мы знаем, какое настроение утвердилось в высшем образованном дворянстве благодаря умственным влияниям, какие проникли в наше общество с половины XVIII столетия. Сравнив последние поколения екатерининского времени с тем поколением, представители которого подверглись каре за дело 14 декабря, мы встречаем между ними сходство и различие. Родство между ними было и нравственное, и генеалогическое; образ мыслей, который усвоили себе отцы, разделяли и дети; люди 14 декабря, даже в буквальном смысле, – дети людей, принадлежавших к вольнодумцам при Екатерине. Но между ними есть одно существенное различие. Вольнодумство воспитало в вольтерьянцах холодный рационализм, сухую мысль, вместе с тем отчужденную от окружающей жизни; холодные идеи в голове остались бесплодными, не обнаруживались в стремлениях, даже в нравах вольнодумцев. Совсем иной чертой отличалось поколение, из которого вышли люди 14 декабря. В них мы замечаем удивительное обилие чувства, перевес его над мыслью и вместе с тем обилие доброжелательных стремлений, даже с пожертвованием личных интересов. Отцы были вольнодумцами, дети были свободомыслящие дельцы. Откуда произошла эта разница? Вопрос этот имеет некоторый интерес в истории нашей общественной физиологии.

По высшему обществу в начале царствования Александра пробежала эта тень, которую часто забывают в истории общества того времени. Мы знаем, что в воспитании, которое получило высшее русское дворянство прошедшего столетия, сменилось два дельца. То были гувернеры двух разных привозов: первый – ни о чем не думавший гувернер, парикмахер, второй – вольнодумец. В конце XVIII века начинается прилив в Россию французских эмигрантов, которые должны были расстаться со своим революционным отечеством; то были все либо аббаты, либо представители французского дворянства; значительная часть дворян вышла из аббатов. В Россию они спасались от бедствий революции, приносили с ожесточением против новых политических идей чрезвычайное количество католических чувств, которое всплыло в них после философского рационализма, как известно, долго составлявшего салонную забаву французского дворянства. Эти эмигранты, приветливо принятые Россией, с ужасом увидели успех религиозного и политического рационализма в русском образованном обществе.

Тогда начинается смена воспитателей русской дворянской молодежи. На место гувернера-вольнодумца становится аббат – консерватор и католик, это был гувернер третьего привоза. При Павле, как известно, Мальтийский орден, территория которого была завоевана Францией, выхлопотал себе покровительство русского императора. Ряд мальтийцев явился в Петербург с теми же католическими чувствами: это еще более усилило влияние пришельцев.

В XVIII веке под влиянием либеральных идей Папа Климент закрыл иезуитский орден, но они остались под разными предлогами и званиями и стали прокрадываться через Польшу в Россию. Много таких иезуитов явилось в Петербурге под именем мальтийцев. Католическое, именно иезуитское, влияние и становится теперь на смену вольтерьянства. В числе родовитых эмигрантов, приехавших в Россию еще при Екатерине, был и граф Шуазель-Гуфье. Он приехал со всем своим семейством; воспитателем при его сыне состоял некто аббат Николь. Шуазель выставлял этого домашнего учителя великосветским барыням как превосходного педагога; барыни стали просить у графа позволения их сыновьям слушать Николья вместе с сыном.

Постепенно учебная комната Шуазеля-младшего превратилась в великосветскую аудиторию, которая даже не могла вместить всех своих слушателей. Николь заставил основать учебное заведение для высшего дворянства; иезуиты пристроились к этому делу, разумеется под чужой вывеской. Николь стал их орудием; он приобрел дом рядом с великолепным дворцом Юсупова, близ Фонтанки, и в этот пансион повалила русская дворянская молодежь. Чтобы не пустить сюда разночинцев и мелкое дворянство, назначена была безбожная плата за воспитание — от 11 до 12 тыс. руб. в год, что равнялось нынешним 45 тыс. Список пансионеров блистал аристократическими именами; здесь видим Орловых, Меншиковых, Волконских, Бенкендорфов, Голицыных, Нарышкиных, Гагариных и т. д. Но и родители не оставались без влияния новых педагогов; католическая пропаганда растет с поразительным успехом.

Началось дело с одной печальной вдовы, княгини Голицыной, жены одного либерального и безбожного вельможи екатерининского времени, который запретил даже произносить имя Бога. Овдовев в 70 лет, княгиня искала религиозного утешения; религиозным утешением к ней явился кавалер Догардт; это был очень ловкий иезуит. Утешение кончилось переходом княгини в католицизм, и вслед за нею потянулись ее сестры, и Протасова, и княгиня Вяземская и другие; целая толпа великосветских барынь стала прозелитками католицизма. При Павле на это смотрели сквозь пальцы, потому что иезуиты успели при дворе утвердить мысль, что существенной разницы между католицизмом и православием не существует, а что католицизм есть исповедание, наиболее умеющее воспитывать народ в консервативных, монархических стремлениях и принципах. Случилось так, что в одной болезни императору помог некто Грубер; ему была предложена награда, от которой он отказался, объявив, что он пользуется своей медицинской не для корысти, а для славы имени Бога. Этот Грубер и был наставителем целого ряда иезуитов, ставши воспитателем и руководителем великосветской молодежи и руководителем пансиона Николья.

Значительная часть людей, которых мы видели в списке осужденных по делу 14 декабря, вышли из этого пансиона или воспитаны были такими гувернерами. Это очень любопытная черта, которой мы не ожидали бы в людях 14 декабря. Кажется, католическое иезуитское влияние, встретившись в этих молодых [людях] с вольтерьянскими преданиями отцов, смягчило в них и католическую нетерпимость, и холодный философский рационализм. Благодаря этому влиянию сделалось возможным слияние обоих влияний, а из этого слияния вышло теплое патристическое чувство, т. е. нечто такое, чего не ожидали воспитатели. Только при этом предположении становится возможным проследить нравственный рост того поколения, представители которого вышли на площадь 14 декабря.

Настроение общества. Я напомним связь, в какой мы рассматривали явления второй половины изучаемого царствования. По окончании войн общество было возбуждено более, чем в начале царствования, и ждало от правительства продолжения начатой им внутренней деятельности, а правительство было утомлено и не хотело его продолжения. Так общество и правительство разошлись между собой больше, чем расходились когда-либо; вследствие этого поднятое движение ушло внутрь общества и здесь получило революционное направление. Чтобы объяснить такую перемену в общественном движении, мы начали изучать настроение общества, его характер в начале XIX столетия и отметили одну новую черту: влияние философской фран-

цузской литературы XVIII столетия теперь стало сменяться в образованном русском обществе католической и иезуитской пропагандой. Эта пропаганда, соединенная с попытками иезуитов овладеть воспитанием русского великосветского общества, привела к результату, который не мог входить в цели пропагандистов, – пробуждению патриотического чувства. Может показаться странным такой результат, столь не соответствующий источнику, из которого он выходил; но католическо-иезуитская пропаганда могла подготовить его прямо и косвенно. Прежде всего, она должна была изменить, если можно так выразиться, температуру общественного настроения; она в образованных кругах прекратила и ослабила прежнюю великосветскую игру в либеральные идеи, заменив ее фальшиво или искренно настроенным религиозным чувством. Молодое поколение, подраставшее в то время, должно было выносить из детства иные впечатления сравнительно со своими отцами; на место бесцельно и бестолково вольнодумствующих отцов и матерей теперь явились отцы и матери, искавшие какого-то неопределенного, не то православного, не то католического Бога. Далее, подрастая, это поколение, вследствие успехов иезуитской пропаганды, должно было спросить себя: долго ли русский ум будет жертвой чуждых влияний? Значит, успех иезуитской пропаганды должен был пробуждать смутную потребность попробовать наконец жить своим умом. Многие молодые люди большого света получили воспитание под руководством иезуитов, сменивших прежних гувернеров-вольнодумцев. Я думаю, и эта перемена учителей могла быть полезной, так же как перемена идеалов. И иезуит, как известно, хороший учитель во всем, что не касается религиозной пропаганды. Он умеет отлично вызывать и эксплуатировать умственную силу ученика, тогда как прежний француз-гувернер только напитывал своего питомца высокими и ненужными идеями, не возбуждая работы мысли. Я думаю, что люди, выходявшие из пансиона Николя, могли быть искроверканные характеры, но более привычные к мысли сравнительно со своими отцами, питомцами Бодри или Лагарпов.

Таким образом, поколение, которое вступило в деятельность к концу царствования Александра, я думаю, воспитывалось при ином настроении общества и воспитывалось лучше своих отцов; правда, и ему воспитание давало очень мало знакомства с действительностью; просматривая в списке привлеченных к ответственности по делу 14 декабря графу о воспитании каждого, мы видим, что большинство декабристов училось в кадетских корпусах, сухопутных, морских, пажеских, а кадетские корпуса были тогда рассадниками общего либерального образования и всего менее были похожи на технические и военно-учебные заведения. Некоторые воспитывались за границей, в Лейпциге, в Париже, другие – в многочисленных русских пансионах, содержимых иностранцами, и в том числе в пансионе Николя. Из последнего вышли, например, декабрист князь Голицын и Давыдовы. Очень многие из 121 обвиненного учились дома, но тоже под руководством иностранцев.

Может быть, не будет лишен интереса перечень некоторых из выдающихся членов тайного общества с пометкой их лет и замечанием об их воспитании. Один из самых видных членов общества – князь Сергей Трубецкой, полковник гвардейского Преображенского полка (в 1825 году после ареста – 34 года), учился дома. Учителями были иностранцы. Князь Евгений Оболенский, поручик гвардейского Финляндского полка, 28 лет; учился дома под руководством гувернеров-французов, которых у него сменилось от 16 до 18 человек. Братья Муравьевы-Апостолы, дети нашего испанского посланника; оба учились в Париже, в пансионе Гикса. Панов, поручик Преображенского полка, – 22 года – учился дома; учителями были иностранцы; закончил образование в Петербургском пансионе Жакино, и т. д., все в этом роде.

Русская действительность. Но это воспитание, так мало приближавшее воспитанников к окружающей действительности, встретилось с сильно пробужденным национальным движением, какое продолжалось и после 1815 года. Страна недаром испытала нашествие французов: многие иллюзии, внушенные французским гувернером или французской литературой, должны были рассеяться. Эти усилия сбросить с себя иго французской мысли и книжки выразились,

например, в стихотворении тогда еще молодого Аксакова, автора «Семейной хроники»; стихотворение это писано в 1814 году. Поэт разочарован в своих ожиданиях, что французское нашествие совсем освободит нас от французского рабства, что «испытанные бедствия навеки поселят к французам отвращение», что «мы подражания смелого устыдимся и к обычаю, языку родному обратимся». Автор сетует, что «рукой победной, но в рабстве мы умами, клянем французов мы французскими словами». Этот порыв к изучению родной действительности сказывается тогда наверху и внизу общества. Притом надобно припомнить историческое впечатление, под действие которого попало молодое поколение, вступив в действительную жизнь. Многие из этих людей помнили еще ту восторженную тревогу, какая овладела образованною молодежью при первых шагах нового царствования; потом этим людям пришлось пережить много испытаний; почти все это были военные, преимущественно гвардейцы. Они сделали поход 1812–1815 годов; многие из них вернулись ранеными. Они прошли Европу от Москвы и почти до западной ее окраины, участвовали в шумных событиях, которые решали судьбу западноевропейских народов, чувствовали себя освободителями европейских национальностей от чужеземного ига. Все это приподнимало их, возбуждало мысль; при этом заграничный поход дал им обильный материал для наблюдений. С возбужденной мыслью, сознанием только что испытанных сил, они увидели за границей иные порядки. Никогда такая масса молодого поколения не имела возможности непосредственно наблюдать иноземные политические порядки. Но все, что они увидели и наблюдали, имело для них значение не само по себе, как для их отцов, а только по отношению к России. Все, что они видели, и все, что они вычитывали из иноземных книг, они прилагали к своему отечеству, сравнивали его порядки и предания с заграничными.

Таким образом, даже непосредственное знакомство с чужим миром только поддерживало интерес к родному. Изменившаяся ли семейная среда, из которой они выходили, или свойство пережитых впечатлений сообщили им особый характер, я бы сказал, особый отпечаток. Большею частью то были добрые и образованные молодые люди, которые желали быть полезными отечеству, проникнуты были самыми чистыми побуждениями и глубоко возмущались при встрече с каждой, даже с самой привычной, несправедливостью, на которую равнодушно смотрели их отцы. Очень многие из них оставили после себя автобиографические записки; некоторые даже вышли недурными писателями. На всех произведениях лежит особый отпечаток, особый колорит, так что вы, вчитавшись в них, даже без особых автобиографических справок можете угадать, что данное произведение писано декабристом. Я не знаю, как назвать этот колорит. Это соединение мягкой и ровной, совсем не режущей мысли с задушевым и опрятным чувством, которое чуть окрашено грустью. У них всего меньше соли и желчи ожесточения. Так пишут хорошо воспитанные молодые люди, в которых жизнь еще не опустошила юношеских надежд, первый пыл сердца зажег не думы о личном счастье, а стремление к общему благу. Впрочем, мне едва ли нужно много говорить об этом тоне; мы его очень хорошо знаем по самому серьезному политическому произведению русской литературы XIX века. Этот тип как живой стоит перед нами в неутомимой и говорливой, вечно негодующей и непобедимо бодрой, но при этом неустанно мыслящей фигуре Чацкого; декабрист послужил оригиналом, с которого списан Чацкий.

При таком личном настроении, которое явилось результатом лучшего воспитания и обстоятельств характера чисто политического, интерес к окружающей действительности у людей первой четверти XIX столетия должен был получить особое напряжение и вести к особым впечатлениям, каких не переживали их отцы. Эти люди все же мало знали окружающих, как и их отцы, но у них сложилось иное отношение к действительности. Отцы не знали этой действительности и игнорировали ее, т. е. и знать ее не хотели, дети продолжали не знать ее, но перестали игнорировать. Военные события, тяжести похода, заграничные наблюдения, интерес к родной действительности – все это должно было чрезвычайно возбуждать мысль; эсте-

тические наблюдения отцов должны были превратиться в более определенное и практическое стремление быть полезными. Легко понять, в каком виде должна была представиться окружающая действительность, как только эти люди стали вникать в нее. Она должна была представить им самую мрачную картину: рабство, неуважение к правам личности, презрение общественных интересов – все это должно было удручающим образом подействовать на молодых наблюдателей, производить в них уныние; но они были слишком возбуждены, чтобы уныние могло их заставить складывать руки.

Один из немногих невоенных участников движения 14 декабря – Кюхельбекер – на допросе верховной следственной комиссии откровенно признавался, что главной причиной, заставившей его принять участие в тайном обществе, была скорбь его об обнаружившейся в народе порче нравов как следствии угнетения. «Взирая, – говорит он, – на блистательные качества, которыми Бог одарил русский народ, единственный на свете по славе и могуществу, по сильному и мощному языку, которому нет подобного в Европе, по радушию, мягкосердечию, я скорбел душой, что все это задавлено, вянет и, быть может, скоро падет, не принеся никакого плода в мире». Это важная перемена, совершившаяся в том поколении, которое сменило екатерининских вольнодумцев; веселая космополитическая сентиментальность отцов превратилась теперь в детей в патриотическую скорбь. Отцы были русскими, которым страстно хотелось стать французами; сыновья были по воспитанию французы, которым страстно хотелось стать русскими. Вот и вся разница между отцами и детьми. Настроением того поколения, которое сделало 14 декабря, и объясняется весь ход дела.

Тайные общества. Историю тайного общества и возбужденного им мятежа можно передать в немногих словах. Массонские ложи, терпимые правительством, давно приучили русское дворянство к такой форме общежития. При Александре тайные общества составлялись так же легко, как теперь акционерные компании, и даже революционного в них было не больше, как в последних. Члены тайного общества собирались на секретные заседания, но сами были всем известны, и прежде всего полиции. Само правительство предполагало возможным не только для гражданина, но и для чиновника принадлежать к тайному обществу и не видело в этом ничего преступного. Только указом 1822 года от чиновников велено было отобрать показания, не принадлежат ли они к тайному обществу, и взять подписку, что впредь они ни к какому обществу принадлежать не будут.

Молодые люди, офицеры, во время похода на бивуаках привыкли заводить речь о положении отечества, за которое они льют свою кровь; это было обычным содержанием офицерских бесед вокруг походного костра. Воротившись домой, они продолжали составлять кружки, похожие на мелкие клубы. Основанием этих кружков обыкновенно был общий стол; собираясь за общим столом, они обыкновенно читали по окончании обеда. Иностранная газета, иностранный журнал, иностранная газета были потребностями для образованного гвардейского офицера, привыкшего зорко следить за тем, что делалось за границей. Чтение прерывалось обыкновенно рассуждениями о том, что делать, как служить. Никогда в истории нашей армии не встречались и неизвестно, встретятся ли когда-нибудь, такие явления, какие тогда были обычны в армиях и гвардейских казармах. Собравшись вместе, обыкновенно заговаривали о язвах России, закоснелости народа, тягостном положении русского солдата, равнодушии общества и т. д. Разговорившись, офицеры вдруг решают не употреблять с солдатами телесного наказания, даже бранного слова, и без указа начальства в полку вдруг исчезнут телесные наказания. Так было в гвардейских полках Преображенском и Семеновском. По окончании похода солдаты здесь не подвергались побоям; офицер остался бы на службе не более часа, если бы позволил себе кулак или даже грубое слово по отношению к солдату. Образованный, т. е. гвардейский, офицер исчез из петербургского общества; в театрах нельзя было встретить семеновца: он сидел в казарме, учил солдат грамоте. Семеновские офицеры уговорились не курить, потому что шеф их, государь, не курит. Никогда не существовало среди офицерских корпораций таких строгих нравов.

Офицеры привыкли собираться и разговаривать; эти кружки незаметно превратились в тайные общества.

В 1816 году в Петербурге образовалось тайное общество из нескольких офицеров, преимущественно из гвардейских офицеров Генерального штаба под руководством Никиты Муравьева, сына известного нам учителя Александра, и князя Трубецкого. Общество это было названо «Союз спасения», или «истинных и верных сынов отечества»; оно поставило себе довольно неопределенную цель – «содействовать в благих начинаниях правительству в искоренении всякого зла в управлении и в обществе». Это общество, расширяясь, выработало в 1818 году устав, образцом которого послужил статут известного патриотического немецкого общества Тугенбунд, который подготовил национальное восстание против французов. Общество тогда приняло другое имя – «Союз благоденствия»; задача его определена была несколько точнее. Поставив себе ту же цель – «содействовать благим начинаниям правительства», оно вместе с тем решило добиваться конституционного порядка, как удобнейшей для этой цели формы правления. Оно, однако же, не считало себя революционным; в обществе долго обдумывалась мысль обратиться с просьбой о разрешении к самому государю – в уверенности, что он будет сочувствовать их целям. Расширяясь в составе, общество разнообразилось во мнениях; появились в нем бешеные головы, которые предлагали безумные насильственные проекты, но над этими проектами или улыбались, или отступали в ужасе. Это разнообразие мнений привело в 1821 году к распадению Союза благоденствия.

Когда распался Союз благоденствия, тогда из развалин его возникли два новых союза – Северный и Южный. Северный союз в первое время имел руководителем известного нам Никиту Муравьева, офицера Генерального штаба, и статского советника Николая Тургенева. Он был в то время известен как автор превосходной книжки теории налогов. Он много занимался политико-экономическими вопросами; его душевной мечтой было работать над освобождением крестьян. В 1823 году в Северное общество вступил Кондратий Рылеев, отставной артиллерист, служивший по выборам петербургского дворянства и вместе управлявший делами Североамериканской торговой компании. Он стал вождем Северного общества; здесь господствовали конституционно-монархические стремления. Гораздо решительнее было Южное общество. Оно составилось из офицеров Второй армии, расположенной в Киевской и Подольской губерниях. Главная квартира этой армии находилась в Тульчине (Подольской губернии). Вождем Южного общества стал командир пехотного Вятского полка Пестель, сын бывшего сибирского генерал-губернатора, человек образованный, умный и с очень решительным характером. Благодаря этому вождю в Южном обществе получили преобладание республиканские стремления. Впрочем, Пестель не создавал определенной формы правления в уверенности, что ее выработает общее земское собрание; он надеялся быть членом этого собрания и готовил себе программу, обдумывая предметы, о которых будут говорить на собрании.

Смерть Александра I. Довольно трудно сказать, вышли ли бы общества, Северное и Южное, на улицу под революционным знаменем, если бы не одна несчастная случайность. Император Александр был бездетен; престол после него по закону 5 апреля 1797 года должен был перейти к следующему брату, Константину, а Константин был также несчастен в семейной жизни, развелся с первой женой и женился на польке; так как дети этого брака не могли иметь права на престол, то Константин стал равнодушен к этому праву и в 1822 году в письме к старшему брату отказался от престола. Старший брат принял отказ и манифестом 1823 года назначил наследником престола следующего за Константином брата – Николая. Все это было довольно просто, потому что было необходимо. Но странно, что этот манифест не был обнаружен и даже доведен до сведения самого нового наследника. В трех экземплярах этот манифест за печатью был положен в Москве, в Успенском соборе, в Петербурге – в Сенате и в Государственном совете с собственноручной надписью государя: «Вскрыть после моей смерти». Таким образом, Николай, говорят, не имел точных сведений об ожидавшей его судьбе. Кроме

государя и Константина знали об этом только императрица-вдова, императрица-мать, да князь А. Н. Голицын, да еще Филарет, митрополит Московский, который редактировал текст манифеста. Ничем разумным нельзя объяснить таинственность, в какую облечено было распоряжение о престолонаследии; надо прибавить к тому, что действовавшее тогда общество никогда не было тайной для Александра. Рассказы о доносчиках, которые будто бы выдали секрет, ничего не значат. Александр все знал: главных членов обоих союзов, их цели, читал даже некоторые их проекты. Когда Н. Тургенев был вождем Северного общества, раз ему передано было от имени императора увещание бросить заблуждение; увещание было передано не как приказание, а как «совет одного христианина другому». Повинуясь этому доброму совету и равнодушный к формам правления, политической программе тайного общества, занятый только мыслью об освобождении крестьян, Тургенев покинул Россию и вышел из общества. Тогда Рылеев стал вождем Северного союза.

В 1825 году Александр поехал на юг России провожать свою больную императрицу и 19 ноября умер в Таганроге от тифозной горячки. Благодаря таинственности, которой облечен был вопрос о престолонаследии, смерть эта сопровождалась важным замешательством: великий князь Николай принес присягу Константину, а в Варшаве старший брат, Константин, принес присягу младшему, Николаю. Начались сношения, при тогдашних дорогах занявшие много времени. Этим временем междуцарствия и воспользовалось Северное тайное общество. Сами участники говорили, что никогда не было бы 14 декабря, если бы генерал-губернатор Петербурга принял предупредительные меры или манифест о престолонаследии был заявлен заранее. Генерал-губернатор Милорадович старался уверить себя, что частные собрания Северного союза имели только литературную цель; он хорошо знал цель этого общества.

Выступление 14 декабря 1825 года. Николай согласился принять престол, и 14 декабря была назначена присяга войск и общества. Члены Северного общества распространяли в некоторых казармах, где популярно было имя Константина, слух, что Константин вовсе не хочет отказаться от престола, готовится насильственный захват власти и даже что великий князь арестован. Этими слухами и увлечены были некоторые гвардейские солдаты; значительная часть Московского гвардейского полка 14 декабря отказалась дать присягу. С распущенными знаменами, в одних сюртуках, солдаты бросились на Сенатскую площадь и построились здесь в каре; к ним присоединилась часть гвардейского гренадерского полка и весь гвардейский морской экипаж; всего собралось на Сенатской площади тысячи две. Члены тайного общества накануне решили действовать по настоянию Рылеева, который, впрочем, был уверен в неуспехе дела, но только твердил: «Все-таки надо начать, что-нибудь выйдет». Диктатором назначен был князь С. Трубецкой, но он не явился на площадь, и напрасно его искали; всем распоряжался бывший в отставке и носивший простой сюртук Пущин, частью – Рылеев. Впрочем, каре мятежников стояло в бездействии в продолжение значительной части декабрьского дня. Великий князь Николай, собиравший около себя полки, оставшиеся ему верными и расположенные у Зимнего дворца, также оставался в бездействии в продолжение значительной части дня. Одна рота, приставшая к мятежникам, стремясь на Сенатскую площадь, забежала на внутренний двор Зимнего дворца, но встретилась с солдатами, которые остались верными Николаю, тогда они кинулись на площадь; Николай спросил: куда они? «Туда», – сказали солдаты, и Николай указал им дорогу, как пробраться к мятежникам. У одного мятежника была мысль о том, что он может решить дело насильственно. Положив в оба кармана по заряженному пистолету, он поместился на Адмиралтейском бульваре. Мимо него несколько раз прошел Николай, несколько раз обращался за справкой; офицер хорошо знал, что в обоих карманах лежит по пистолету, но у него не хватило духу на насилие. Так обе стороны спорили великодушием.

Наконец, Николая уговорили в необходимости кончить дело до наступления ночи, в противном случае другая декабрьская ночь даст мятежникам возможность действовать. Приехавший только что из Варшавы Толь подступил к Николаю: «Государь, прикажите площадь

очистить картечью или откажитесь от престола». Дали холостой залп, он не подействовал; выстрелили картечью – каре рассеялось; второй залп увеличил число трупов. Этим кончилось движение 14 декабря.

Вожди были арестованы; на юге Муравьев-Апостол увлек за собой кучку солдат, но был взят с оружием в руках. Верховная следственная комиссия расследовала дело, а чрезвычайный суд произнес приговор, который был смягчен новым государем. По этому приговору пять участников дела были наказаны смертью через повешение, а остальные сосланы были в Сибирь. Всех привлеченных к следствию – 121 человек. Повешены были вожди обоих союзов: Пестель, Рылеев, Каховский (у которого хватило духу застрелить Милорадовича, когда тот после неудачной попытки уговорить мятежников возвращался к Николаю), Бестужев-Рюмин (один из деятельнейших распорядителей на площади 14 декабря) и С. Муравьев-Апостол, взятый на юге, в Киевской губернии, с оружием в руках. Так кончилось это движение, которое, как мы видели, стало возможным только благодаря стечению неожиданных обстоятельств.

Я изложил событие 14 декабря кратко, имея в виду книгу, к которой можно обратиться для более близкого знакомства с событием, – это «Восшествие императора Николая на престол» барона Корфа (сочинение, изданное по высочайшему повелению). Книга очень верно воспроизводит события, только не все. Подробнее изложена заметка о престолонаследии; мимоходом описывается история тайного общества, как и условия, его подготовившие. Книга эта была составлена по желанию покойного государя, когда он был еще наследником, и долго хранилась в рукописи, потом была несколько раз напечатана в ограниченном числе экземпляров и не выходила из стен дворца; она была обнародована только по вступлении на престол Александра II.

Значение выступления 14 декабря 1825 года. Событию 14 декабря придавалось значение, какого оно не имело; приписывались ему последствия, которые не из него вытекали. Чтобы вернее оценить его, не следует, прежде всего, забывать его наружность. По наружности это один из тех дворцовых гвардейских переворотов, какие происходили по смерти Петра в продолжение XVIII века. В самом деле, движение вышло из гвардейских казарм, руководили им почти одни гвардейские офицеры, представители коренного, столбового русского дворянства. Движение было поднято по вопросу о престолонаследии, как поднимались все движения XVIII века, и на знамени движения было написано личное имя. В движении 14 декабря столько сходства с гвардейскими переворотами XVIII века, что современники, наблюдавшие это событие, не могли не вспомнить о гвардейских переворотах. В любопытнейшей записке приехавшего около того времени в Петербург родственника императрицы-матери, принца Евгения Вюртембергского, мы находим следующий характерный рассказ. Когда получена в Петербурге весть о кончине государя, незадолго до 14 декабря, принц Евгений встретил во дворце петербургского генерал-губернатора графа Милорадовича, который, разговорившись о положении дел, выразил принцу сомнение в успехе дела, т. е. в успехе присяги великому князю Николаю, так как гвардия, по словам Милорадовича, очень привязана к Константину. «О каком успехе говорите вы, граф? – сказал Евгений. – Я жду естественного перехода престола к великому князю Николаю, в случае если Константин будет настаивать на отречении; при чем тут гвардия?» – «Я с вами согласен, – отвечал Милорадович, – гвардии, понятно, не следовало мешаться в это, но она уже испокон века привыкла к этому и сроднилась с таким понятием». Итак, люди 14 декабря сделали дело, как не раз делали его в продолжение XVIII века. Теперь в последний раз русская дворянская гвардия хотела распорядиться престолом, а потом гвардия перестала быть дворянской.

Несмотря на все сходство движения 14 декабря с дворцовыми переворотами XVIII века, оно вместе с тем существенно отличается от последних. Отличие это заключается не только в характере вождей движения, но и в цели. Знамя, на котором было написано личное имя Константина, выкинуто было только для солдат, которых уверили, что они восстают за угнетенных

– великого князя Константина и за его супругу «Конституцию» (великий князь был женат на польке, а польки-де иногда носят очень странные имена). Вожди движения были одинаково равнодушны к обоим именам: они действовали не во имя лица, а во имя порядка. Ни одно гвардейское движение XVIII века не имело целью нового государственного порядка. Впрочем, это было только стремление к новому порядку; самый порядок не был выработан вождями движения. Выходя на улицу, они не несли за собою определенного плана государственного устройства; они просто хотели воспользоваться замешательством при дворе, для того чтобы вызвать общество к деятельности.

Их план таков: в случае удачи обратиться к Государственному совету и Сенату с предложением образовать временное правительство из пяти членов; были даже намечены эти члены; между ними рядом с Пестелем, самой дельной головой в тайном обществе, должен был сесть и знакомый нам М. М. Сперанский. Временное правительство должно было руководить делами до собрания Земской думы, той самой Земской думы, план которой проектировал Александр со Сперанским в преобразовательном проекте. Земская дума как учредительное собрание и должна была разработать новое государственное устройство. Таким образом, вожди движения поставили себе целью новый порядок, предоставив выработку этого порядка представителям земли, значит, движение было вызвано не определенным планом государственного устройства, а более накипевшими чувствами, которые побуждали, как бы то ни было, направить дело по другой колее.

Тем не менее нет надобности приписывать этому движению особенно важные последствия. Один высокопоставленный сановник, встретив одного из арестованных декабристов, своего доброго знакомого князя Евгения Оболенского, с ужасом воскликнул: «Что вы наде-
лали, князь! Вы отодвинули Россию по крайней мере на 50 лет назад». Это мнение утвердилось впоследствии; событие 14 декабря считали великим несчастьем, которое определило характер следующего царствования, как известно, очень нелиберального. Это – совершенно ложное представление; характер следующего царствования определился не 14 декабря; это царствование имело бы тот же характер и без 14 декабря; оно было прямым продолжением последнего десятилетия царствования Александра. Еще ранее 14 декабря предшественник Николая уже решительно вступил на ту дорогу, по которой шел его преемник. Притом мысль, чтобы мятеж 14 декабря мог отодвинуть Россию на 50 лет назад, невероятна уже потому, что в последние 50 лет она немного сделала шагов вперед: отодвинуться некуда было. Такое значение 14 декабря придавали, также помня фразу, которая не раз срывалась с языка Николая в продолжение его царствования; при встрече с каким-нибудь досадным проявлением вольного духа в обществе он иногда говаривал: «Ah, se sont toujours mes amis de quatorse»¹. Но напрасно было придавать этим словам буквальное значение. 14 декабря не было причиной направления следующего царствования; оно само было одним из последствий той причины, которая сообщила такое направление следующему царствованию. Причина эта заключалась в исходе, какой имели все преобразовательные начинания Александра.

¹ В дословном переводе эта фраза звучит: «А, это сборище моих друзей 14-го».

Записки И. Д. Якушкина

Об авторе

Иван Дмитриевич Якушкин родился в 1793 году. Первоначальное образование он получил в доме родителей, которые очень заботились об его учении и приглашали для него многих учителей, русских и иностранных. В 1808 году Якушкин был помещен в дом профессора Мерзлякова и затем был «произведен» в студенты по словесному факультету. В университете он слушал лекции по российской словесности у Мерзлякова, по всемирной истории у Черепанова, по российской истории у Каченовского, по эстетике у Сахатского, по теории законов и прав знатнейших народов у Цветаева, по статистике у Гейма, по чистой математике у Чумакова, по физике у Страхова, по военным наукам у Мягкого.

В конце 1811 года Якушкин поступил подпрапорщиком в Семеновский полк и в составе этого полка участвовал в походах и сражениях 1812, 1813 и 1814 годов. За сражение под Бородиным Якушкин получил знак военного ордена, а за сражение под Кульмом – прусский железный крест. В декабре 1812 года Якушкин был произведен в прапорщики. В 1814 году он вернулся с полком из Франции морем в Кронштадт, после чего продолжал службу в Петербурге в Семеновском полку. В 1816 году он был произведен в подпоручики и вскоре перевелся в 37-й егерский полк с чином штабс-капитана, а в 1818 году вышел в отставку с чином капитана.

И. Д. Якушкин был женат на Анастасии Васильевне Шереметевой; у них было два сына, Вячеслав и Евгений. В январе 1826 года И. Д. Якушкин, за участие в тайном обществе, был арестован в Москве, отвезен в Петербург, где был заключен в Алексеевский равелин Петропавловской крепости. Якушкин верховным судом был отнесен к первому разряду и приговорен к смертной казни отсечением головы, но по смягчении приговора был присужден к 20 годам каторги.

По отбытии каторги (первоначальный срок был уменьшен высочайшими указами) И. Д. Якушкин был водворен на поселение в Ялutorовск. Здесь на поселении вместе с ним жили Н. В. Басаргин, А. В. Ентальцев, М. И. Муравьев-Апостол, кн. Е. П. Оболенский, И. И. Пущин, В. К. Тизенгаузен. Весь этот кружок декабристов оставил глубокий след в жизни Ялutorовска; в частности же И. Д. Якушкин много содействовал развитию образования среди местного населения. Им были основаны два училища, одно для мальчиков (в 1842 году), другое для девочек (в 1846 году); преподавание велось по ланкастерской системе взаимного обучения; главным преподавателем и руководителем всего дела был сам Якушкин. Хотя училища назывались «приходскими», но программа обучения в них применялась широкая, так что проходили начальная алгебра, геометрия, механика. В этих училищах до отъезда Якушкина из Ялutorовска окончили курс: в мужском – 531 человек, в женском – 191.

По силе высочайшего манифеста 26 августа 1856 года Якушкин получил возможность вернуться в Европейскую Россию. Ему сначала воспрещено было жить в Москве, он был выслан оттуда; затем ему разрешили приехать временно в Москву для лечения. Но лечиться уже было поздно, и он скончался в Москве в 1857 году. Он погребен на Пятницком кладбище, причем, согласно его воле, на могиле его не поставлено никакого памятника, она только обнесена решеткой. Могила эта находится недалеко от ограды могилы Грановского и рядом с могилою другого декабриста – Н. В. Басаргина.

Первые две части записок И. Д. Якушкина были изданы А. И. Герценом в Лондоне в 1862 году и потом были перепечатаны в 1874 году в Лейпциге; третья часть была помещена в «Русском архиве» 1870 года. В первой и во второй части Записок в настоящем издании при-

шлось, к сожалению, сделать несколько пропусков, впрочем небольших по размерам; всего в пяти местах пропущено около десяти строк.

Записки Ивана Дмитриевича Якушкина напечатаны в настоящем издании по подлинной принадлежащей мне рукописи. Часть их написана рукою Ивана Дмитриевича, а часть была продиктована им мне и брату моему, Вячеславу.

Евгений Якушкин

I

Война 1812 года пробудила народ русский к жизни и составляет важный период в его политическом существовании. Все распоряжения и усилия правительства были бы недостаточны, чтобы изгнать вторгшихся в Россию галлов и с ними двенадцать языцы, если бы народ по-прежнему остался в оцепенении. Не по распоряжению начальства жители при приближении французов удалялись в леса и болота, оставляя свои жилища на сожжение. Не по распоряжению начальства выступило все народонаселение Москвы вместе с армией из древней столицы. По рязанской дороге, направо и налево, поле было покрыто пестрой толпой, и мне теперь еще помнятся слова шедшего около меня солдата: «Ну, славу богу, вся Россия в поход пошла!» В рядах даже между солдатами не было уже бессмысленных орудий; каждый чувствовал, что он призван содействовать в великом деле.

Император Александр, оставивший войско прежде витебского сражения, возвратился к нему в Вильну. Конечно, никогда прежде и никогда после не был он так сближен со своим народом, как в это время, в это время он его любил и уважал. Россия была спасена, но для императора Александра этого было мало; он двинулся за границу со своим войском для освобождения народов от общего их притеснителя. Прусский народ, втоптаный в грязь Наполеоном, первый отозвался на великодушное призвание императора Александра; все восстало и вооружилось. В 13-м году император Александр перестал быть царем русским и обратился в императора Европы. Подвигаясь вперед с оружием в руках и призывая каждого к свободе, он был прекрасен в Германии; но был еще прекраснее, когда мы пришли в 14-м году в Париж. Тут союзники, как алчные волки, были готовы броситься на павшую Францию. Император Александр спас ее; предоставил даже ей избрать род правления, какой она найдет для себя более удобным, с одним только условием, что Наполеон и никто из его семейства не будет царствовать во Франции. Когда уверили императора Александра, что французы желают иметь Бурбонов, он поставил в неперемennую обязанность Людовику XVIII даровать права своему народу, обеспечивающие до некоторой степени его независимость. Хартия Людовика XVIII дала возможность французам продолжать начатое ими дело в 89-м году. В это время республиканец Лагарп мог только радоваться действиями своего царственного питомца.

Пребывание целый год в Германии и потом нескольких месяцев в Париже не могло не изменить воззрения хоть сколько-нибудь мыслящей русской молодежи, при такой огромной обстановке каждый из нас сколько-нибудь вырос.

Из Франции в 14-м году мы возвратились морем в Россию. 1-я гвардейская дивизия была высажена у Ораниенбаума и слушала благодарственный молебен, который служил обер-священник Державин. Во время молебствия полиция нещадно била народ, пытавшийся приблизиться к выстроенному войску. Это произвело на нас первое неблагоприятное впечатление по возвращении в отечество. Я получил позволение уехать в Петербург и ожидать там полк. Остановившись у однополчанина Толстого (теперь сенатора), мы отправились вместе с ним во фраках взглянуть на 1-ю гвардейскую дивизию, вступающую в столицу. Для ознаменования великого этого дня были выстроены на скорую руку у петергофского въезда ворота и на них поставлены шесть алебастровых лошадей, знаменующих шесть гвардейских полков 1-й дивизии. Толстой и я, мы стояли недалеко от золотой кареты, в которой сидела императрица Мария Феодоровна с вел. княжн. Анной Павловной. Наконец показался император, предводительствующий гвардейской дивизией, на славном рыжем коне, с обнаженной шпагой, которую уже он готов был опустить перед императрицей...

В 14-м году существование молодежи в Петербурге было томительно. В продолжение двух лет мы имели перед глазами великие события, решившие судьбы народов, и некоторым образом участвовали в них; теперь было невыносимо смотреть на пустую петербургскую жизнь

и слушать болтовню стариков, выхваляющих все старое и порицающих всякое движение вперед. Мы ушли от них на 100 лет вперед. В 15-м году, когда Наполеон бежал с острова Эльбы и вторгся во Францию, гвардии был объявлен поход, и мы ему обрадовались как неожиданному счастью. Поход этот от Петербурга до Вильны и обратно был для гвардии прогулкой. В том же году мы возвратились в Петербург. В Семеновском полку устроилась артель: человек 15 или 20 офицеров сложились, чтобы иметь возможность обедать каждый день вместе; обедали же не одни вкладчики в артель, но и все те, которым по обязанности службы приходилось проводить целый день в полку. После обеда одни играли в шахматы, другие читали громко иностранные газеты и следили за происшествиями в Европе, – такое времяпрепровождение было решительно нововведение. В 11-м году, когда я вступил в Семеновский полк, офицеры, сходявшись между собою, или играли в карты, без зазрения совести надувая друг друга, или пили и кутили напропалую. Полковой командир Семеновского полка генерал Потемкин покровительствовал нашу артель и иногда обедал с нами; но через несколько месяцев император Александр приказал Потемкину прекратить артель в Семеновском полку, сказав, что такого рода сборища офицеров ему очень не нравятся. Императора, однако же, все еще любили, помня, как он был прекрасен в 13 и 14 годах, и потому ожидали его в 15-м с нетерпением. Наконец появился флаг на Зимнем дворце и в тот же день велено всем гвардейским офицерам быть на выходе. Всех удивило, что при этом не было артиллерийских офицеров; они приезжали, но их не пустили во дворец. Полковник Таубе донес государю, что офицеры его бригады в сношении с ним позволили себе дерзость. Таубе был ненавидим и офицерами, и солдатами; но вследствие его доноса два князя Горчакова (главнокомандующий на Дунае и бывший генерал-губернатор Западной Сибири) и еще пять отличных офицеров были высланы в армию. Происшествие это произвело неприятное впечатление на всю армию. До слуха всех беспрестанно доходили изречения императора Александра, в которых выражалось явное презрение к русским. Так, например, при смотре при Вертю во Франции на похвалы Веллингтона устройству русских войск император Александр во всеуслышание отвечал, что в этом случае он обязан иностранцам, которые у него служат. Генерал-адъютант гр. Ожеровский, родственник Сергея и Матвея Муравьевых, возвратившись однажды из дворца, рассказал им, что император, говоря об русских вообще, сказал, что каждый из них или плут, или дурак, и т. д.

По возвращении императора в 15-м году он просил у министров на месяц отдыха; потом передал почти все управление государством графу Аракчееву. Душа его была в Европе; в России же более всего он заботился об увеличении числа войск. Царь был всякий день у развода; во всех полках начались учения, и шагистика вошла в полную свою силу.

Служба в гвардии стала для меня несносна. В 16-м году говорили о возможности войны с турками, и я подал просьбу о переводе меня в 37-й егерский полк, которым командовал полковник Фонвизин, знакомый мне еще в 13-м году и известный в армии за отличного офицера. В это время Сергей Трубецкой, Матвей и Сергей Муравьевы и я – мы жили в казармах и очень часто бывали вместе с тремя братьями Муравьевыми: Александром, Михаилом и Николаем. Никита Муравьев также часто видался с нами. В беседах наших обыкновенно разговор был о положении России. Тут разбирались главные язвы нашего отечества: закоснелость народа, крепостное состояние, жестокое обращение с солдатами, которых служба в течение 25 лет почти была каторга; повсеместное лихоимство, грабительство и, наконец, явное неуважение к человеку вообще. То, что называлось высшим образованным обществом, большею частью состояло тогда из староверцев, для которых коснуться которого-нибудь из вопросов, нас занимавших, показалось бы ужасным преступлением. О помещиках, живущих в своих имениях, и говорить уже нечего.

Один раз Трубецкой и я – мы были у Муравьевых, Матвея и Сергея; к ним приехали Александр и Никита Муравьевы с предложением составить тайное общество, цель которого, по словам Александра, должна была состоять в противодействии немцам, находящимся в рус-

ской службе. Я знал, что Александр и его братья были враги всякой немчизне, и сказал ему, что никак не согласен вступить в заговор против немцев; но что если бы составилось тайное общество, членам которого поставлялось бы в обязанность всеми силами трудиться для блага России, то я охотно вступил бы в такое общество. Матвей и Сергей Муравьевы на предложение Александра отвечали почти то же, что и я. После некоторых прений Александр признался, что предложение составить общество против немцев было только пробное предложение, что сам он, Никита и Трубецкой условились еще прежде составить общество, цель которого была в обширном смысле благо России. Таким образом положено основание тайному обществу, которое существовало, может быть, не совсем бесплодно для России.

Было положено составить устав для общества и вначале принимать в него членов не иначе как с согласия всех шестерых нас. Вскоре после этого я уехал из Петербурга в 37-й егерский полк. Заехав по пути к дяде, который управлял небольшим моим имением в Смоленской губернии, я ему объявил, что желаю освободить своих крестьян. В это время я не очень понимал, ни как это можно было устроить, ни того, что из этого выйдет; но имея полное убеждение, что крепостное состояние – мерзость, я был проникнут чувством прямой моей обязанности освободить людей, от меня зависящих. Мое предложение дядя выслушал даже без удивления, но с каким-то скорбным чувством; он был уверен, что я сошел с ума.

Приехав в Сосницы, где была штаб-квартира 37-го егерского полка, я узнал, что этот полк должен быть расформирован и в кадрах идти в Москву. Фонвизин советовал мне не принимать роты и обошелся со мной не так, как полковой мой командир, но как самый любезный товарищ. Мы были с ним неразлучны целый день и всякий день просиживали вместе далеко за полночь; все вопросы, занимавшие нас в Петербурге, были столько же близки ему, как и нам. В разговорах наших мы соглашались, что, для того чтобы противодействовать всему злу, тяготевшему над Россией, необходимо было прежде всего противодействовать староверству закоснелого дворянства и иметь возможность действовать на мнение молодежи; что для этого лучшим средством учредить тайное общество, в котором каждый член, зная, что он не один, и излагая свое мнение перед другими, мог бы действовать с большею уверенностью и решимостью. Наконец, Фонвизин сказал мне, что если бы такое общество существовало, состоя только из 5 человек, то он тотчас бы вступил в него. При этом я не мог воздержаться, чтобы не доверить ему осуществление тайного общества в Петербурге и что я принадлежу к нему. Фонвизин тут же присоединился к нам. С первой почтой я известил Никиту Муравьева о важном приобретении, какое я сделал для нашего общества в лице полковника Фонвизина, и надеялся получить за это от них от всех благодарность; но, напротив, получил строгий выговор за то, что поступил против условий между нами, в силу которых никто не имел права принимать никого в тайное общество без предварительного на то согласия прочих членов; и я чувствовал, что по всей справедливости своей опрометчивостью я заслужил такой выговор.

В начале 17-го года я приехал в Москву, и скоро после того прибыл в кадрах 37-й егерский полк, которого штаб-квартира была назначена в Дмитрове; не командуя ротой, я жил в Москве и ходил во фраке в ожидании сентября, чтобы подать в отставку. Фонвизин большую часть времени также проживал в Москве и также хотел оставить службу. В это время войска, бывшие во Франции у графа Воронцова, возвращались в Россию. Полки Апшеронский и 38-й егерский, привезенные на судах, были на смотре у царя в Петербурге. Он ужаснулся, увидев, как мало люди были выправлены, и прогнал их со смотра. 37-й егерский полк поступил в 5-й корпус. Командир этого корпуса граф Толстой, дивизионный командир кн. Хованский и бригадный генерал Полторацкий (Константин Маркович), коротко знакомые с Фонвизиным, уговорили его принять 38-й егерский полк, и его назначили командиром этого полка. Прощаясь с 37-м егерским полком, Фонвизин прослезился, и офицеры и солдаты также плакали. В этом полку палка была уже выведена из употребления. Приняв 38-й егерский полк, задача для Фонвизина состояла, кроме обмундировки, выправка людей настолько, чтоб полк мог пройти

перед царем в параде, не сбившись с ноги. Фонвизин начал с того, что сблизился с ротными командирами, поручил им первоначальную выправку людей и решительно запретил при учении употреблять палку. Для подпрапорщиков он завел училище и нанимал для них учителей; вообще, в несколько месяцев он истратил на полк более 20 000 р., зато в конце года царь, увидев 38-й егерский полк в параде, был от него в восторге и изъявил Фонвизину благодарность в самых лестных выражениях.

В конце 17-го года вся царская фамилия переехала в Москву и прожила тут месяцев 9 или 10. Еще в августе прибыл в Москву отдельный гвардейский корпус, состоящий из первых батальонов всех пеших и первых эскадронов всех конных полков. При корпусе была также артиллерия. Командовал этим отрядом генерал Розен, а начальником штаба был Александр Муравьев. Вместе с отрядом прибыли Никита, Матвей и Сергей Муравьевы. Михайло Муравьев, вступивший уже в общество, приехал также в Москву. В мое отсутствие Общество очень распространилось; в Петербурге было принято много членов, в числе которых был Бурцев (после уже генерал-майором убитый на Кавказе) и Пестель, адъютанты гр. Витгенштейна. Пестель составил первый устав для нашего тайного общества. Замечательно было в этом уставе, во-первых, то, что на вступающих в тайное общество возлагалась обязанность ни под каким видом не покидать службы, с той целью, чтобы со временем все служебные значительные места по военной и гражданской части были бы в распоряжении тайного общества; во-вторых, было сказано, что если царствующий император не даст никаких прав независимости своему народу, то ни в каком случае не присягать его наследнику, не ограничив его самодержавия.

По прибытии в Москву Муравьевы, особенно Михайло, находили устав, написанный в Петербурге, неудобным для первоначальных действий тайного общества. Было положено приступить к сочинению нового устава и при этом руководствоваться печатным немецким уставом, привезенным князь Ильею Долгоруким из-за границы и служившим пруссакам для тайного соединения против французов. Пока изготовлялся устав для будущего Союза благоденствия, было учреждено временное тайное общество под названием Военного. Цель его была только распространение общества и соединение единомыслящих людей. У многих из молодежи было столько избытка жизни при тогдашней ее ничтожной обстановке, что увидеть перед собой прямую и высокую цель почиталось уже блаженством, и потому немудрено, что все порядочные люди из молодежи, бывшей тогда в Москве, или поступили в Военное общество, или по единомыслию сочувствовали членам его. Обыкновенно собирались или у Фонвизина, с которым я тогда жил, или в Хамовниках, у Александра Муравьева, в доме, в котором жил также начальник гвардейского отряда генерал Розен. Собрания эти все более и более становились многолюдны, на этих совещаниях бывали между прочими оба Перовские (министр уделов и оренбургский генерал-губернатор), толковали о тех же предметах, важность которых нас всех занимала. К прежде бывшим присоединилось еще новое зло для России; император Александр, давно замышлявший военные поселения, приступил теперь к их учреждению. Графу Аракчееву было поручено привести в исполнение предначертания, составленные самим царем для устройства военных поселений. Граф Аракчеев, во всех случаях гордившийся тем, что он только неизменное орудие самодержавия, и в этом случае не изменил себе. В Новгородской губернии казенные крестьяне тех волостей, которые были назначены под первые военные поселения, чуя чутьем русского человека для себя беду, возмутились. Граф Аракчеев привел против них кавалерию и артиллерию; по ним стреляли, их рубили, многих прогнали сквозь строй, и бедные люди должны были покориться. После чего было объявлено крестьянам, что дома и все имущество более им не принадлежат, что все они поступают в солдаты, дети их в кантонисты, что они будут исполнять некоторые обязанности по службе и вместе с тем работать в поле, но не для себя собственно, а в пользу всего полка, к которому будут приписаны. Им тотчас же обрили бороды, надели военные шинели и расписали по ротам и капральствам. Известия о новгородских происшествиях привели всех в ужас...

Разводы, парады и военные смотры были почти его единственные занятия; заботился же только о военных поселениях и устройстве больших дорог по всей России, причем он не жалел ни денег, ни пота, ни крови своих подданных. Никогда никто из приближенных к царю, ни даже сам он не могли дать удовлетворительного объяснения, что такое военные поселения. Так, например, в Тульчине за обедом и бывши в веселом расположении духа после очень удачного военного смотра, император обратился к генералу Киселеву с вопросом, примиряется ли он наконец с военными поселениями; Киселев отвечал, что его обязанность верить, что военные поселения принесут пользу, потому что его императорскому величеству это угодно; но что сам он тут решительно ничего не понимает. «Как же ты не понимаешь, – возразил император Александр, – что при теперешнем порядке всякий раз, что объявляется рекрутский набор, вся Россия плачет и рыдает; когда же окончательно устроятся военные поселения – не будет рекрутских наборов». Граф Аракчеев, когда у него спрашивали о цели военных поселений, всякий раз отвечал, что это не его дело и что он только исполнитель высочайшей воли. Известно, что военные поселения со временем должны были составить посереде России полосу с севера на юг и совместить в себе штаб-квартиры всех конных и пеших полков и вместе с тем собственными средствами продовольствовать войска, посреди их квартирующие: уж это одно было, вероятно, предположение несбыточное. При окончательном устройстве военных поселений они неминуемо должны были образоваться в военную касту с оружием в руках и не имеющую ничего общего с остальным народонаселением России. Они уничтожены и подверглись общей участи всякой бессмыслицы, даже затеянной человеком, облеченным огромным могуществом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.